

Александр Сергеевич Пушкин

СНАЗНИ

Elibron Classics

А. С. ПУШКИН

СКАЗКИ

Elibron Classics
www.elibron.com

Elibron Classics — торговая марка
Adamant Media Corporation.
Широкий выбор книг представлен на сайте
www.elibron.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

СКАЗКИ

Жених.....	7
Сказка о попе и о работнике его Балде.....	13
Сказка о медведихе.....	19
Сказка о золотом петушке.....	23
Сказка о рыбаке и рыбке.....	31
Сказка о царе Салтане.....	37
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях.....	65

ПЕСНИ И СКАЗКИ, СОБРАННЫЕ И ЗАПИСАННЫЕ ПУШКИНЫМ

І. ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Песня о сыне Сеньки Разина.....	83
Записи песен, сохранившиеся в копиях в собрании песен П. В. Киреевского.....	89
<i>А. Песни свадебные.....</i>	<i>89</i>
<i>Б. Песни необрядовые.....</i>	<i>107</i>

ІІ. ЗАПИСИ СКАЗОК..... 121

СКАЗКИ

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он, стоя, правит,
И гонит всех, и давит.

Он, поравнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит, —
Он, точно он! держите,

Друзья мои, спасите»
Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец, —
Ступай благополучно,

Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не все касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет, и хохочет.
В смятенье сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир.
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол,
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Все шумно, гости пьяны.

Жених

А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна
Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову -
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
Везде серебро да золото,
Все светло и богато».

Жених

А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато.

Невеста

Постой, сударь, не кончен он.
 На серебро, на золото,
 На сукна, коврики, парчу,
 На новгородскую камчу
 Я молча любовалась
 И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
 Подъехали к крылечку.
 Я поскорее дверью хлоп
 И спряталась за печку.
 Вот слышу много голосов...
 Вошли двенадцать молодцов,
 И с ними голубица
 Красавица-девица.

Вошли толпой, не поклонясь,
 Икон не замечая;
 За стол садятся, не молясь
 И шапок не снимая.
 На первом месте брат большой,
 По праву руку брат меньшей,
 По леву голубица
 Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
 Разгульное похмелье....

Жених

А чем же худ, скажи, твой сон?
 Вещает он веселье.

Невеста

Постой, сударь, не кончен он.
 Идет похмелье, гром и звон,
 Пир весело бушует,
 Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит.

«Ну это, — говорит жених, —
Прямая небылица!

Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?» —
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит, бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен
И скоро смертью казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Поп ему в ответ: «Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?»
Балда говорит: «Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу».
Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русский авось.
Поп говорит Балде: «Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье».
Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
Дó светла все у него пляшет,

Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попенок зовет его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идет, и срок уж близенько.
Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признается:
«Так и так: что делать остается?»
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: «Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь,
А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь
И Балду-то без расплаты отправишь».
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: «Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный».
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошел, сел у берега моря;

Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
«Зачем ты, Балда, к нам залез?»
— «Да вот веревкой хочу море мёрщить
Да вас, проклятое племя, корчить».
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
— «Как за что? Вы не плотите оброка,
Не помните положенного срока;
Вот ужо будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха». —
«Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука».
Балда мыслит: «Этого провести не штука!»
Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он, как голодный котенок:
«Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть — возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок».
Засмеялся Балда лукаво:
«Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшего брата».
Пошел Балда в ближний лесок,

Поймал двух зайков да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесенка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесенок, еще молоденок,
Со мною тягаться слабенок;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка».
Пустились бесенок и зайка:
Бесенок по берегу морскому,
А зайка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок задыхаясь,
Весь мокрешенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь — а Балда братца гладит,
Приговаривая: «Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый».
Бесенок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
«Погоди, — говорит, — схожу за obroком».
Пошел к деду, говорит: «Беда!
Обогнал меня меньшей Балда!»
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что все море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесенок: «Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любимую мету.

Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вон этой тучки:
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку».
Испугался бесенок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: «Что ты хлопчешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...»
— «Нет, — говорит Балда, —
Теперь моя чередка,
Условия сам назначу,
Задам тебе, враженку, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь: там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу, оброк уж твой;
Не снесешь кобылы, ан будет он мой».
Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: «Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног».
Сел Балда на кобылку верхом
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесенок и к деду

Пошел рассказывать про такую победу.
Черти стали в кружок,
Делать нечего — собрали полный оброк
Да на Балду взвалили мешок.
Идет Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,
Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка,
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

СКАЗКА О МЕДВЕДИХЕ

Как весенней теплою порою
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего
Выходила бурая медведиха
Со милыми детушками-медвежатами
Погулять, посмотреть, себя показать.
Села медведиха под белой березою;
Стали медвежата промеж собой играть,
По муравушке валяться,
Боротися, кувыркатися.
Отколь ни возьмись, мужик идет,
Он во руках несет рогатину,
А нож-то у него за поясом.
А мешок-то у него за плечьями.
Как завидела медведиха
Мужика со рогатиной,
Заревела медведиха,
Стала кликать малых детушек,
Своих глупых медвежатуюшек.
Ах вы, детушки, медвежатуюшки,
Перестаньте играть, валяться,
Боротися, кувыркатися.
Уж как, знать, на нас мужик идет.
Становитесь, хоронитесь за меня,
Уж как я вас мужику не выдам
И сама мужику . . . . выем.

Медвежатуюшки испугалися,
За медведиху бросалися,
А медведиха осержалася,
На дыбы подымалася.
А мужик-от он догадлив был,

Он пускался на медведиху,
Он сажал в нее рогатину
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медведиха о сыру землю,
А мужик-то ей брюхо порол,
Брюхо порол да шкуру сымал,
Малых медвежатусшек в мешок поклал,
А поклавши-то, домой пошел.

«Вот тебе, жена, подарочек,
Что медвежия шуба в пятьдесят рублей,
А что вот тебе другой подарочек,
Трои медвежата по пять рублей».

Не звоны пошли по городу,
Пошли вести по всему по лесу,
Дошли вести до медведя чернбурого,
Что убил мужик его медведиху,
Распорол ей брюхо белое,
Брюхо распорол да шкуру сымал,
Медвежатусшек в мешок поклал.
В ту пору медведь запечалился,
Голову повесил, голосом завыл
Про свою ли сударушку,
Чернбурую медведиху.
«Ах ты, свет моя медведиха,
На кого меня покинула,
Вдовца печального,
Вдовца горемычного?
Уж как мне с тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милых детушек не родити,
Медвежатусшек не качати,
Не качати, не баюкати».
В ту пору звери собиралися
Ко тому ли медведю, к большому боярину,
Приходили звери большие,

Прибегали тут зверишки меньшие.
Прибегал туто волк-дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходил тут бобр, торговый гость,
У него-то, бобра, жирный хвост.
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила белочка-княгинечка,
Приходила лисица-подьячиха,
Подьячиха-казначеиха,
Приходил скоморох-горностаюшка,
Приходил байбак тут игумен,
Живет он, байбак, позадь гумен.
Прибегал тут зайка-смерд,
Зайка беленький, зайка серенький.
Приходил целовальник-еж,
Все-то, еж, он ежится,
Все-то он щетинится.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон,
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут, бывало, с юга, глядь, —
Ан с востока лезет рать.
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, —
Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно;
 Петушок сидит всё смирно.
 Вот однажды царь Дадон
 Страшным шумом пробужден:
 «Царь ты наш! отец народа! —
 Возглашает воевода, —
 Государь! проснись! беда!»

— «Что такое, господа?» —
 Говорит Дадон, зевая, —
 А?.. Кто там?.. беда какая?»
 Воевода говорит:
 «Петушок опять кричит,
 Страх и шум во всей столице».
 Царь к окошку, — ан на спице,
 Видит, бьется петушок,
 Обратившись на восток.
 Медлить нечего: «Скорее!
 Люди, на конь! Эй, живее!»
 Царь к востоку войско шлет,
 Старший сын его ведет.
 Петушок угомонился,
 Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
 А от войска нет вестей:
 Было ль, не было ль сраженья, —
 Нет Дадону донесенья.
 Петушок кричит опять.
 Кличет царь другую рать;
 Сына он теперь меньшого
 Шлет на вырчку большого;
 Петушок опять утих.
 Снова вести нет от них,
 Снова восемь дней проходят;
 Люди в страхе дни проводят,
 Петушок кричит опять,
 Царь скликает третью рать

И ведет ее к востоку
Сам, не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
«Что за чудо?» — мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По протоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Все завыли за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслось. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.

Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала.
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом, неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он:
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
«А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе. Что прикажешь?»
— «Царь! — отвечает мудрец, —
Разочтемся наконец.

Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».
Крайне царь был изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся.
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— «Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу», —
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица —
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,

Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он...
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришел невод с одною тиною.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод, —
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростой рыбкой, — золотою.
Как взмолился золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море!
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;

По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколосось».

Вот пошел он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколосось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилося синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,

Приплыла к нему рыбка, спросила:
 «Чего тебе надобно, старче?»
 Ей старик с поклоном отвечает:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Еще пуще старуха бранится,
 Не дает старику мне покою:
 Избу просит сварливая баба».
 Отвечает золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себе с Богом,
 Так и быть: изба вам уж будет».
 Пошел он ко своей землянке,
 А землянки нет уж и следа;
 Перед ним изба со светелкой,
 С кирпичною, беленою трубою,
 С дубовыми, тесовыми вороты.
 Старуха сидит под окошком,
 На чем свет стоит мужа ругает:
 «Дурачина ты, прямой простофиля!
 Выпросил, простофиля, избу!
 Воротись, поклонись рыбке:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю;
 (Не спокойно синее море.)
 Стал он кликать золотую рыбку.
 Приплыла к нему рыбка, спросила:
 «Чего тебе надобно, старче?»
 Ей с поклоном старик отвечает:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Пуще прежнего старуха вздурилась,
 Не дает старику мне покою:
 Уж не хочет быть она крестьянкой,
 Хочет быть столбовою дворянкой».
 Отвечает золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себе с Богом».

Воротился старик ко старухе.
 Что ж он видит? Высокий терем.

На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство».
Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:

Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с Богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна?
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взащей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась.
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,

Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

СКАЗКА
О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО
СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ
КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ
И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
— «Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотно».
— «Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,

Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха —
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра коня садясь,
Ей наказывал себя
Побережь, его любя.
Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына Бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.

А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой
 Извести ее хотят,
 Перенять гонца велят;
 Сами шлют гонца другого
 Вот с чем от слова до слова:
 «Родила царица в ночь
 Не то сына, не то дочь;
 Не мышонка, не лягушку,
 А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
 Что донес ему гонец,
 В гневе начал он чудесить
 И гонца хотел повесить;
 Но, смягчившись на сей раз,
 Дал гонцу такой приказ:
 «Ждать царева возвращенья
 Для законного решенья».

Едет с грамотой гонец,
 И приехал наконец.
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой
 Обобратить его велят;
 Допьяна гонца поят
 И в суму его пустую
 Суют грамоту другую —
 И привез гонец хмельной
 В тот же день приказ такой:
 «Царь велит своим боярам,
 Времени не тратя даром,
 И царицу и приплод
 Тайно бросить в бездну вод».
 Делать нечего: бояре,
 Потужив о государе
 И царице молодой,

В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел — царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,

В дно головкой уперся,
 Понатужился немножко:
 «Как бы здесь на двор окошко
 Нам проделать?» — молвил он,
 Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
 Видят холм в широком поле;
 Море синее кругом,
 Дуб зеленый над холмом.
 Сын подумал: добрый ужин
 Был бы нам, однако, нужен.
 Ломит он у дуба сук
 И в тугой сгибает лук,
 Со креста снурок шелковый
 Натянул на лук дубовый,
 Тонку тросточку сломил,
 Стрелкой легкой заострил
 И пошел на край долины
 У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
 Вот и слышит будто стон...
 Видно, на море не тихо;
 Смотрит — видит дело лихо:
 Бьется лебедь средь зыбей,
 Коршун носится над ней;
 Та бедняжка так и плещет,
 Воду вокруг мутит и хлещет...
 Тот уж когти распустил,
 Клев кровавый наострил...
 Но как раз стрела запела,
 В шею коршуна задела —
 Коршун в море кровь пролил.
 Лук царевич опустил;
 Смотрит: коршун в море тонет
 И не птичьим криком стонет,

Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — все не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Век тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —

Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный Бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают,
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»

Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чорнобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,

Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем

Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон.
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренной душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:

Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай да лебедь — дай ей Боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом.
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости,
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну

К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».

Гости князю поклонились
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят.
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:

«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,

У Гвидона погощу». А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Не хотят его пустить Чудный остров навестить. Усмехнувшись исподтиха, Говорит царю ткачиха: «Что тут дивного? ну, вот! Белка камушки грызет, Мечет золото и в груды Загребает изумруды; Этим нас не удивишь, Правду ль, нет ли говоришь. В свете есть иное диво: Море вздуется бурливо, Закипит, подымет вой, Хлынет на берег пустой, Разольется в шумном беге, И очутятся на бреге, В чешуе, как жар горя, Тридцать три богатыря, Все красавцы удалые, Великаны молодые, Все равны, как на подбор, С ними дядька Черномор. Это диво, так уж диво, Можно молвить справедливо!» Гости умные молчат, Спорить с нею не хотят. Диву царь Салтан дивится, А Гвидон-то злится, злится... Зажужжал он и как раз Тетке сел на левый глаз, И ткачиха побледнела: «Ай!» — и тут же окривела; Все кричат: «Лови, лови, Да дави ее, дави...

Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».
— «А какое ж это диво?»
— «Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Будем вместе непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,

В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон.
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блеснит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.

Молвить можно справедливо,
 Это диво, так уж диво».
 Гости умные молчат:
 Спорить с бабой не хотят.
 Чуду царь Салтан дивится —
 А царевич хоть и злится,
 Но жалеет он очей
 Старой бабушки своей:
 Он над ней жужжит, кружится —
 Прямо на нос к ней садится,
 Нос ужалил богатырь:
 На носу вскочил волдырь.
 И опять пошла тревога:
 «Помогите, ради Бога!
 Караул! лови, лови,
 Да дави его, дави...
 Вот ужо! пожди немножко,
 Погоди!..» А шмель в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасный,
 Что ж ты тих, как день ненастный?
 Опечалился чему?» —
 Говорит она ему.
 Князь Гвидон ей отвечает:
 «Грусть-тоска меня съедает:
 Люди женятся; гляжу,
 Не женат лишь я хожу».
 — «А кого же на примете
 Ты имеешь?» — «Да на свете,
 Говорят, царевна есть,
 Что не можно глаз отвести.

Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царвною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулася, отряхнулася

И царевной обернулась:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велют.
Пристают к заставе гости.

Князь Гвидон зовет их в гости.
Он их кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы не даром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом:
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые.
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,

Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва-едва трепещет.
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна

Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкий:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает

И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косою луна блестит,
А во лбу звезда горит:
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насили там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядячи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодлица

Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:

Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна все ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку

И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? — сказала ей царица, —
Где красавица-девица?» —
«Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она, —
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть».

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно Богу,

Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась.
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.

Старший молвил: «Что за диво!
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса,
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы рады,
Да нельзя, так Бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Коли лгу, пусть Бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том». — «Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи

Да всю правду доложи:
 Я ль на свете всех милее,
 Всех румяней и белее?»
 И ей зеркальце в ответ:
 «Ты прекрасна, спору нет;
 Но живет без всякой славы,
 Средь зеленыя дубравы,
 У семи богатырей
 Та, что всё ж тебя милей».
 И царица налетела
 На Чернавку: «Как ты смела
 Обмануть меня? и в чем!..»
 Та призналася во всем:
 Так и так. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила иль не жить,
 Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
 Милых братьев поджидая,
 Пряла, сидя под окном.
 Вдруг сердито под крыльцом
 Пес залаял, и девица
 Видит: нищая черница
 Ходит по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка, постой немножко, —
 Ей кричит она в окошко, —
 Пригрожу сама я псу
 И кой-что тебе снесу».
 Отвечает ей черница:
 «Ох ты, дитяtko девица!
 Пес проклятый одолел,
 Чуть до смерти не заел.
 Посмотри, как он хлопочет!
 Выдь ко мне». — Царевна хочет
 Выйти к ней и хлеб взяла,

Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выпался он худо, —
Ей царевна говорит, —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
«Благодарствую, — сказала. —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хвать — поймала. «Ради скуки,
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед», —
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Все на яблоко. Оно
Соку спелого полно,

Так свежо и так душисто,
 Так румяно-золотисто,
 Будто медом налилось!
 Видны семечки насквозь...
 Подождать она хотела
 До обеда, не стерпела,
 В руки яблочко взяла,
 К алым губкам поднесла,
 Потихоньку прокусила
 И кусочек проглотила...
 Вдруг она, моя душа,
 Пошатнулась не дыша,
 Белы руки опустила,
 Плод румяный уронила,
 Закатилися глаза,
 И она под образа
 Головой на лавку пала
 И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
 Возвращались толпой
 С молодецкого разбоя.
 Им навстречу, грозно воя,
 Пес бежит и ко двору
 Путь им кажется. «Не к добру! —
 Братья молвили, — печали
 Не минуем». Прискакали,
 Входят, ахнули. Вбежав,
 Пес на яблоко стремглав
 С лаем кинулся, озлился,
 Проглотил его, свалился
 И издох. Напоено
 Было ядом, знать, оно.
 Перед мертвою царевной
 Братья в горести душевной
 Все поникли головой
 И с молитвою святой

С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили,
И решеткой оградили;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе.
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,

Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил
Или след ее заметил».

Темной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,

Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Братец мой, —
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я девы красной.
На сторо́же я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала». — «Как обидно!» —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.

Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела

Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Все румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

**ПЕСНИ И СКАЗКИ,
СОБРАННЫЕ
И ЗАПИСАННЫЕ
ПУШКИНЫМ**

І. ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

1

ПЕСНЯ О СЫНЕ СЕНЬКИ РАЗИНА

В городе-то было во Астрахане,
Появился детина, незнамый человек.
Он щеголем по городу похаживает,
Черный бархатный кафтан на размашечку надет,
Черна шляпа пуховая на его русых кудрях,
Свой персидский кушачок во правой руке несет.
Он боярам государевым не кланяется,
К астраханскому воеводе под суд нейдет.
Как увидел молодца воевода со крыльца,
Закричал он, воевода, громким голосом своим:
«Ой, есть ли у меня слуги верны молодцы?
Вы сходите, приведите удалого молодца».
Как поймали молодца во цареве-кабаке,
Приводили удалого к воеводе на двор;
А уж стал воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, детина, незнамый человек,
Чьего рода, чьего племени, чей отеческий сын?
Иль из нашего города, из Астрахани?
Иль со Дону казак иль казацкий сын?»
— Я не с вашего городу, не с Астрахани,
Я не с Дону казак, не казацкий сын.
Я со Камы со реки, Сеньки Разина сынок.
Взялся батюшка у вас завтра в гости побывать,
Ты умей его принять, умей подчивати.
Рассердился воевода на удалого молодца,
Закричал тут воевода громким голосом своим:
«Что есть ли у меня слуги верны молодцы?
Вы возьмите, отведите удалого молодца.
Посадите удалого в белу-каменну тюрьму».

2

Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке,
Вдоль по Каме по реке легка лодочка идет,
Во лодочке гребцов ровно двести молодцов.
Посреди лодки хозяин Сенька Разин атаман.
Закричал тут хозяин громким голосом своим:
«А мы счерпнемте воды изо Камы со реки». —
Мы исчерпнули воды изо Камы со реки,
Припечалился хозяин Сенька Разин атаман:
«Знать-то знать, что мой сыночек во неволюшке сидит.
Во неволюшке сидит в белокаменной тюрьме».
— Не печалься, наш хозяин, Сенька Разин атаман:
Белокаменну тюрьму по кирпичу разберем,
Твоего милого сына из неволи уведем,
Астраханского воеводу под суд возьмем.

3

Во славном городе во Киеве,
У славного царя у Владимира,
Жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынов,
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, *пелегали*¹ —
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали,
По край моря, за Морьянина.
Они прижили малого детища.
Она год живет и другой живет,
На третий год стосковалася.
Стала она Морьянина в гости звать:
«Пойдем, Морьянин-свет,
Ты к теще, а я к матушке,
Ты к шурьям, а я к милым братьям».
Они день идут и другой идут,
На третий день становилися.

---

¹ Лелеяли.

Нарубили² огонечек малёшенек,
 Пустили дымочек тонёшенек.
 Напали воры, разбойники,
 Они Морьянина зарезали,
 Морьянинка в воду бросили,
 Морьянинку во полон взяли.
 Как все-то разбойнички стали пить и есть,
 Один-то разбойничек ни пьёт, ни ест,
 Ни пьёт, ни ест, Богу молится.
 Все разбойнички спать легли,
 Один-то разбойничек ни спит, ни лежит.
 Господу Богу молится.
 И стал он у Морьянинки расспрашивать:
 «Ты скажи, скажи, Морьянинка,
 С какого ты села-города?
 И которого отца-матери?»
 Стала ему Морьянинка рассказывать:
 «У славного царя у Владимира
 Жила была молода вдова;
 У вдовушки было девять сынов —
 Десятая дочь любезная:
 Поили, кормили, пелегали,
 Девять сынов под разбой пошли,
 Десятую дочь замуж выдали,
 По край моря за Морьянина».
 — Вставайте, братцы родимые!
 Не Морьянина мы зарезали,
 Не Морьянинка в воду бросили,
 Не Морьянинку во полон взяли:
 Мы зарезали зятя любезного,
 В воду бросили племянника,
 Родну сестру взяли во полон. —
 Вставали братцы родимые,
 Просили у сестры прощеньица:
 «Отчего ты нам не сказалася,
 Что ты нам родна сестра?»

---

² Развели.

Пошли братцы к родной матушке,
Становились на коленки все
И просили у нее прощеньица:
«Прости нас, родная матушка,
Не зная зарезали зятя любезного,
В воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полон».

4

Как за церковью, за немецкою,
Добрый молодец Богу молится:
Как не дай Боже хорошу жену, —
Хорошу жену в честный пир зовут,
Меня молодца не *примолвили*.³
Мою жену — в новы саночки,
Меня молодца — на запяточки.
Мою жену — на широкий двор,
Меня молодца — за вороточки.

5

Друг мой милый, красно солнышко мое,
Сокол ясный, сизокрылый мой орел,
Уж неделю не видалась я с тобой,
Ровно семь дней как спозналась с горем я.
Мне не взмились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и мячи,
Не по нраву, не по мысли мне пришли.
Я скиталась по темным лесам,
В темном лесе кинарейчики поют,
Мне, девчонке, грусть-назолу придают.
Ты не пой, кинарейчка, в саду,
Не давай тоски сердечку моему.

6

Во лесах во дремучих

---

³ Пригласили.

Тут брала девка ягоды,
 Брамши-то, она в лесу заблудилась,
 Заблудимши, она приаукнулась:
 «Ты ау, ау, мой любезный друг,
 Мой любезный друг, жизнь душа моя».
 — Уж я рад бы тебе откликнулся,
 За мной ходят трое сторожей:
 Первый сторож — родной батюшка,
 Второй сторож — мила матушка,
 А третий сторож — молода жена.

7

Не беленька березанька к земле клонится,
 Не камыш трава во чистом доле расшаталась, —
 Зашатался, загулялся добрый молодец,
 В одной тоненькой кармазиновой черкешучке.
 У черкешучки рукавички назад закинугы,
 Камчатные его полочки назад загнуты,
 За плечьями несет ружьецо знать турецкое,
 Во правой руке он присошечек карновенький,
 Он присошечком, добрый молодец, подпирается,
 Горючьими слезми разудаленький заливаётся.
 Вдруг несчастье над молодцом случилось,
 Поднималась с гор *погорушка всё хурта вьюга*,
 Всё хурта подымалась с гор, погорушка полуденная,
 Собивала-то она добра молодца со дороженьки,
 Прибивала-то она молодца ко городу,
 Ко тому же то ко городу ко незнакомому.

8

Один-то был у отца у матери единый сын,
 И того-то берут разудаленького в службу царскую,
 По указу его берут, разудаленького, государеву.
 Он со вечера стал, разудаленький, коня седлать,
 Ко полуночи стал, разудаленький, с двора съезжать,
 Отец-то и мать его, разудаленького, провожать пошли,
 Провожали его, разудаленького, весь и род племя.

Позади-то его идет горюшенька молода жена;
Молоду жену, белую лебедушку, уговаривает:
«Воротись ты, жена, воротись, душа, лебедушка белая,
Впереди-то у нас все огни горят, огни неугасимые».
— Разудаленький добрый молодец, меня не обманывай,
Горит у тебя, молодца, ретиво сердце.

9

Как у нас было на улице,
У нас на широкой,
Красны девки разыгрались,
Молодушки расплясались.
Одна девка лучше всех.
На ней лента шире всех.
Девка парню говорила
И всю правду объявила:
«Послушай-ка, мой милóй,
Сердце-радость дорогой,
Мой батюшка не лихой,
Тебе будет не чужой».

**ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В
КОПИЯХ В СОБРАНИИ ПЕСЕН
П. В. КИРЕЕВСКОГО**

А. ПЕСНИ СВАДЕБНЫЕ

1

— Береза белая!
Береза кудрявая!
Куда ты клонишься?
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюсь,
Куда ветер поведет.
— Княгиня-душенька!
Куда ты ладишься?
— Туда я лажуся,
Куда батюшко отдаст
С родимой матушкой.

2

Дни за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестиной. Брат ее или ближний родственник носит его по улице. Это называют: *красу носить*. Между тем поют:

Трубчистая коса
Вдоль по улице шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За нею гонялася,
За косу хваталася:

«Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?»
— Я тогда буду твоя,
Как в Божью церковь вступлю,
Золотой венец приму!

3

Невесту ведут в баню, в девичник, накануне свадьбы:

Затописья, баненька,
Раскались, каменка!
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонущке,
По родимой матушке,
По родимому батюшке, и проч.

4

В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая:

Как-то мне будет в чужие люди идти?
Что как будет назвать свекра батюшкой?
А как будет назвать свекровь матушкой?
(т. е. стыдно)
Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшко!
Али я тебе, молодешенька, принаскучила? и пр.

Из бани пришед, девушки чешут ей голову, оденут, посадят за стол. — Жених приезжает со своими холостыми товарищами. Они друг друга дарят.

В день свадьбы девушки с пенъем одевают ее; потом сажают одну за стол перед блюдом, куда все кладут деньги, за что она молча кланяется. Потом отец ее и мать выводят ее посередине комнаты и начинают благословлять, после чего идет невеста, крепясь, садится, чтоб ехать к венцу. Все девушки за нею; также крепятся.

5

Собрала невеста подружек,
Посадила подружек высоко,
А сама села выше всех,
Наклонила головушку ниже всех,
Думает думушку крепче всех:
«Что долго нет Ивана?
Мне посла послать — некого,
Мне самой идтить — некогда
Я хотя пойду, — не дойду;
Я хотя дойду, — не найду;
Я хотя найду его, —
Позвать к себе не смею».

6

Поется, если жених приехал издалеча:

Как при вечере, вечере,
При последнем часу́ времечке,
При княгинином девичнике
Вылетал же млад ясён сокол;
Он садился на окошечко
На серебряну решеточку.
На шелкову занавесочку.
Как увидела да узрела
Свет княгинина матушка:
«Ты дитя мое, дитяtko,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты ясного сокола,
Ясного сокола залетного.
Доброго молодца заезжего!
Свет Ивана Александровича!»
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломилися,

Бели руки опустилися,
Красота с лица сменилася.

7

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролегла тут дороженька,
Пробегал тут добрый конь;
За конем бежит добрый молодец,
У ворот стоит красна девица
Как возгóворит добрый молодец:
«Перейми коня, красна девица!»
— Мне нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены. —
Возговорит добрый молодец:
«Не приманывай, красна девица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены:
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горячьими слезами!»

8

Про жениха, как взойдет к невесте:

Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош!
Черт у него, не хорóшество!
Сам шестом,
Голова пестом,
Уши ножницами,
Руки грабельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками
Соловьины-то глаза
По верхам глядят;
По верхам глядят,
Они каши хотят.

Вчера каша сварена,
Вчера съедена была.
Шея-то синя,
Будто в петле была!
Нос-от синь, —
Это свахин сын!

9

Ты, невеста, перед кем стоишь?
Перед кем стоишь, на кого глядишь?
Он тебе чуж чуженок,
У него поросячий душок!
Он с курами клевал,
С поросятами едал!

10

Как в долу-то берёзынька белехонька стоит.
А наша невеста белее ее,
Белее ее снегу белого лицо.
Шла наша невеста с высокого терема,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино всё пролила,
Всё глядячи на Ивана своего,
На Ивана своего, на кудёрушки его:
«Видать ли мне, кудёрушки, вас у себя?
На правой на ручушке на золотом перстеньке?»

11

О горе, горе!
То невестино!
О горе, горе!
Ты невестушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назад,

О горе, горе!
Что подружек-то стоят!
О горе, горе!
Что подружки говорят,
О горе, горе!
Что наказывают,
О горе, горе!
Что приказывают:
О горе, горе!
«Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
Ты с кроватушки долой!
О горе, горе!»
— Вы, лебедушки,
О горе, горе!
Вы подруженьки!
О горе, горе!
Мне нельзя спихнуть!
О горе, горе!
В головах-то у него
О горе, горе!
Плетка шелковая;
О горе, горе!
Она об осьми хвостов,
О горе, горе!
Она больно бьет,
О горе, горе!
Приговаривает:
О горе, горе!
«Не зови-ко худяком,
О горе, горе!
Зови добрым молодцом!»

12

Мы все песенки перепели,
У нас горлушки пересохли!
Мы князьева пива не пивали,
У княгини дары увидали.

У княгини дары миткаліны,
А князево пиво облива,
На собаку льешь, облезет.

13

В сыром бору на клену
Висит колыбель на шелку;
В колыбели лежит Иванушко,
Перед ним стоят бояры:
«Вскачните колыбель высоко!
Столь высоко, выше клену стоячего,
Ниже облака ходячего,
Чтобы видно было тестев двор,
Чтобы видно было тещин терём!»
В терему гуляет княгиня,
По имени зовут ее Катерина;
Каленые орешки считает,
Шитою ширинкою махает:
«Ты сюды, сюды, Иван князь!
Как здесь твое суженое,
Здесь твое ряженое:
Здесь твоя княгиня,
По имени Катерина».

14

Поется на девичнике жениху:

Висит колыбель на шелку,
В колыбельке лежит князь молодой:
«Вскачните колыбель высоко,
Вы столь высоко — выше клену,
Чтоб был виден тестев двор,
Тестев двор, тещин терём».
В этом терему ходит гуляет,
Ходит гуляет княгиня душа,
Шелковым платком помахивает:

«Ты сюда, сюда, молодой князь!
Здесь твоя суженая, твоя ряженая!»

15

Поется на девичнике.

Сватушка гость, богатый, тороватый;
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублем ворота запирает,
Он полтиной ворота отпирает.
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

16

На девичнике свата корят:

Все песни перепели,
Горлушки пересохли!
А сватушка рыжий
По берегу рыщет.
Хочет удавиться,
Хочет утопиться,
От красных девок,
От белых лебёдок.
Дари, дари девок!
Дари лебёдок!
Не станешь дарити —
Мы пуще корити!
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

17

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку прóлили,
Всю капусту пóлили.
Верее молилися:
«Верее, верееюшка!
Укажи дороженьку
По невесту ехати!»
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам нороятся,
А копейка ребром становётся,
Она к девушкам норовится!

18

А у свата сводника
Лихорадка с бóлестью,
Она с черной нёмочью
На печи под шубою,
На дворе нагишкою!
По морозу босиком,
По кроле нагишом!
Ему чирий в гóлову,
А другой в бороду,
Третий в рúчушку,
Четвертый в ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шуты подыска́ли,
По кучам таскали,
Братом называли:

«Ты сватушко, братец!
Дари, дари девок,
Дари, дари красных!
Станешь дарити —
Не станут корити».

19

Эту песню поют девушки, гуляя по улице, вода под руки покровенную невесту:

Уже вечер на дворе вечереется.
Уж красное солнышко за лес котится,
Что частые-то звездочки высыпаются,
У меня ли, молодешеньки некрасованой,
С моими ластушки, сестрицы, милыми подружки,
Я пойду ли спрошусь у родимой матушки:
«Ты, сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебя прошуся, не красоватися,
Я развеять свою кручинушку великую.
Я пойду ль, молодёшенька, во чистó поле,
Я ударюсь, молодёшенька, о сырú землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
Ты раздайся ли, мать сырá земля!
Ах, ты встань, ты встань, родной батюшко!⁴
Ты приди ко мне, горюше молодёшеньке,
На мою ли на смиренную на беседушку!
Снарядить-то меня, горюшу, есть кому,
А благословить-то меня некому.
Мы взойдем-ка ли, сестрицы, в новые сени,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
Неужли ж я, молодёшенька, тяжелёшенька?
С моим ластушкам, сестрицам, милым подружкам?

---

⁴ Если невеста не сирота, то, разумеется, выпускаются стихи, обращенные к покойному отцу, или заменяются другими, импровизированными.

Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!
Отвори-тка свой высóк терём!
Не зноби меня, горюшу молодёшеньку!
Я и так, молодёшенька, назяблася.
Я сяду, молодёшенька, под окошечком.
Не летит ли мой кормилец батюшко?
Мы пойдете-тка, сестрицы, вдоль по улице
Вы кладите-тка следочки частёхонько,
Уливайте следочки горючьми слезми.
Опосле пойдет родимая матушка:
Не княгиня тут гуляла, не боярыня,
Тут ходила, тут гуляла чадо милое!»

20

Поется сироте:

— Ты река ли моя реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Течешь, речка, не колы́хнешься,
На крутой берег не взóльнешься,
Желтым песком не возмúтишься!
— Отчего же мне возмутитися?
Ни дождя нету, ни вихорю.
— Ах ты, умная девица,
(Такая-то)
Что сидишь ты, не улы́бнешься?
Говоришь речи, не усмéхнешься?
— Что чему же мне смеяться?
На что глядя, радоватися?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собралися,
Одного-то гостя нет как нет;
Уж как нет гостя милого,
Моего батюшки родимого.⁵

---

⁵ Если же молодая круглая сирота, то поется:

Снарядить-то меня есть кому,
Бла́гословить-то меня некому,
Что снарядит меня родная мать,
Бла́гословит меня чужой отец.

21

Много, много у сыра́ дуба́
Много ветвей и па́ветвей,
Только нету у сыра́ дуба́
Золотья вершиночки:
Много, много у княгини души,
Много роду, много племени,
Только нету у княгини души
Нету ее родной матушки:
Благословить есть кому,
Снарядить некому.⁶

22

Между гор по ка́менью
Серебром ручей бежит.
По тому по ру́чейку
Ходила гуляла княгиня душа;
Искала княгиня душа
Самоцветна камушка;
Нашла, нашла камушек,
Нашла самоцветненький;
Разломила камушек
Его на́ три граночки:
Первую граночку
Ее родну батюшке,
Вторую граночку
Родной ее матушке,

Уж как нет гостей милых:
Моего батюшки родимого,
Моей матушки родимой,

⁶ Благословляет обыкновенно отец, снаряжает мать.

А третью граночку
Ладу милому.

23

Не стыдно ли вам, бояры,
Перед нами, девками, стояти,
В руках шапочки держати?

24

Поется, когда едут за невестой к венцу:

Как у нашего князя
Невеселые кони стоят;
Они чуют путь-дороженьку
По невесту ехати:
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Уливайте⁷ гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойтить бы, ни взъехати!»
— Не грози, княгиня душа!⁸
На крутую гору пеш взойду,
Добра коня в поводу сведу. —
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Запирайте вы вороточки,
Что тремя замками немецкими!»
— Не печалься, княгиня душа!
Приведу я с собой слесаря:
Отопрет замки немецкие. —
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую!
Чтобы моему разлучнику

---

⁷ Или: «укатайте» — смотря по времени года.

⁸ Поется также:

Не печалься, княгиня душа!
Поведем мы коней в кузницу,
Подкуем коней подковами,
Подковами-то булатными.

Не расплесть, не расчесать ее!»
— Не печалься, княгиня душа!
Привезу с собой свахоньку:
Расплетет она косу русую,
Увезем тебя с собой, душеньку!

25

Сват, сват молодой!
Не бывать тебе у нас,
Не едать киселя!
Не бежать тебе лугóm,
Не . . . тебе гужом!

26

Девушки поют, когда молодая возвратится из церкви:

Ягода с ягодой сокатила!
Ягода ягоде поклонилась!
Ягода с ягодой слово молвила!
Ягода от ягоды не вдали росла!

27

Когда молодые сидят за столом, приехав от венца, то девушки поют всем гостям; первого начинают величать попа.

У попа у батюшки
Золота скуфеюшка;
Низала скуфеюшку
Его молода жена,
(Такая-то)
Слышишь ли, батюшка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем:
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих —
Две гривны золотом.

А поп отвечает: «Нате, суки, возьмите в руки, не корите попа».

28

По́ меду, ме́ду по па́точному
Плавала чарочка серебряная,
Кто эту чарочку пе́ренял?
Пе́ренял, пе́ренял князь государь,
Подносил, подносил госпоже княжне.
«Выкушай, выкушай, душа госпожа!
Я тебе, княгиня, про свой сон расскажу:
Будто у нас середь широ́ка двора
Будто у нас расстилалась трава,
По траве гуляет па́вынька,
Па́вынька, па́вынька, княгиня душа».

29

Величают холостого:

Князек молоденький,
Лебедёк наш беленький,⁹
Скажи, пожалуй, нам
Про своего гостя нам!
«У меня свет гость дорогой,
(Такой-то)
Во любви он позванный,
Во чести посаженный,
За дубовым столом,
За браной скатертью,
Не женатый Иванушка,
Холостой Михайлович,
Холостой, завистливый.
Его глаз урочливый».
Выйди, холостенький,
Выдь к нам за завесу!¹⁰
Выбери, холостенький,
Кто тебе покажется!

---

⁹ Девушки обращаются к молодому.

¹⁰ Девушки сидят за занавесом, продернутым через всю избу.

Слышишь ли, гость дорогой?
Мы тебе песню поем,
Тебе честь воздаем.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих —
Две гривны золотом.

30

Им подают деньги в стакане пива, приговаривая:

Вот вам, красные девушки!
Малое примите,
На большом не судите.
Денежки принимайте.
Пол поровняйте (т. е. попляшите).

31

Поется вдове:

Княгиня душенька,
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гóстейку!
«У меня свет гóстейка
Молодая вдовушка,
Вдова молóдая,
Вдова богомольная:
Всем святым святителям
Богу молилася
О своих о детушках».
Слышишь ли, вдовушка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих —
Две гривны золотом.

32

Величают гостью, как девушку, так и замужнюю:

Княгиня душенька!¹¹
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гóстейку!
«У меня свет гóстейка
(Такая-то)
Во любви пóзвана,
Во чести посóжена,
Хорошо снаряжена:
Сережки-яхонты,
Лицо разгорелось,
Монисты зóлоты
Шею огрúзили!»
Слышишь ли, гóстейка
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих —
Две гривны золотом.

---

¹¹ Девушки обращаются к молодой.

Б. ПЕСНИ НЕОБРЯДОВЫЕ

1

Авдотья вдовина
По бережку ходила,
Правой рукой махала.
— А цвет моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебе не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиков не есть! —
Злодей Ванька вор, победна голова,
Кличет Дуньку из ворот в огород
Сорвет Дуньке лопушок
Под самый корешок;
Сошьет Дуньке сарафан
Китаичный голубой:
Снурочек-ат — повилочная трава.
А ниточки — ковылок, ковылок.
А пуговицы — репеёк, репеёк.
Где ни взялся таракан,
Проел Дуньке сарафан,
Над самою над дырой.
А, дядюшка Митрофан,
Зашей Дуньке сарафан
Китаичный голубой!

2

Калина, малина!
На заднем порядке,
Под горою три солдатки:
Одна Настька, другá Машка,
Как третья Наташка.

Повадилась Наташка
Во царев кабак ходить,
Зеленое вино пить,
Целовальника любить:
— Целовальник молодой,
Проводи меня домой
По улице мостовой,
По дорожке столбовой,
До кроватки тесовой,
До перинки пуховой! —
На перине девица
Лежит она, нежится;
Лицо разгорелось,
Чего захотелось?
«Не надо мне, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладких яблочков,
Ни медовых пряничков;
Приведи-ка, матушка,
Татарина с скрипкою,
Мордвина с волынкою,
Холостого с дудками!»
На Болдинском на плоту
Мыла девица фату,
Она мыла, полоскала,
Фату в воду опускала,
Милый фаточку ловил,
Кафтан с шубою сронил;
Она губушки надула,
Пошла к старосте на думу
И к бурмистру на рассуду:
Как что староста-то скажет
И бурмистр-от что прикажет?
— Ты поставься-ка в попы! —
Как и что это за попок:
В сарафане без порток?!

3

Я вечер, вечер, добрый молодец,
 Вечер загулялся,
 Я со любушкой, со своей сударушкой
 Долго застоялся;
 Я тайного ласкова словечка
 От ней дожидался.
 Ничего-то моя сударушка
 Она мне не сказала,
 Только сказала моя сударушка
 Грубое словечко:
 «Ты отстань, отстань, добрый молодец,
 Отстань по охоте;
 Не отстанешь ты по охотушке, —
 Отстань по неволе».
 Тосковал-то я, добрый молодец,
 Ровно три годочка,
 Что никто, никто по добром молодце
 Никто не потужит:
 Что ни батюшка, ни матушка,
 Ни жена молодая;
 Что потужит ли, погорюет ли
 Красная девица,
 Что названая моя прежняя,
 Милая сестрица!

4

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
 Приневолители меня, малёшенька, женили;
 Молода была жена, я глупенек,
 Стал я молодцем, жена стала старенька.
 Полюбились мне молодка молодая,
 Исушила мое сердце ретивое.
 Как вечер меня молодка огорчила,
 Мне несносную насмешку насмеяла:
 — Отступися, — мне сказала, — отвяжися,
 У тебя своя жена, с ней и целуйся! —

Во бору ли, во сыром ли стук, треск:
Бурлачки сосну подрубливают,
Подрубливают, поваливают;
Из сыра бора по лугу волокут,
По крутому бережку покатывают,
Середь лодочки устанавливают,
Тонкий парус навешивают,
Уплывают вниз по Волге по реке.
Вы стойте, добры молодцы, погодите,
Вы с собой меня возьмите, посадите,
Разлучите с опостылой со женою!

5

Ах ты, молодость, моя молодость,
Не видал я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, когда миновалася!
Живучи с женой не с корыстною,
Не продать мне жену, не променять ее
Что ни братцу, ни товарищу.
Я пойду ли сам крутым бережком,
Я найму ль себе новых плотничков,
Новых плотничков, корабельщиков.
Я сострою нов тесов корабль
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых полотняных.
Я спушу ли корабль на сине море,
Посажу ли жену, свою барыню,
Отпущу ли жену в свою сторону;
А я сам пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море —
А уж корабль бежит, как сокол летит,
А жена-то сидит, точно барыня.
Уж я вскрикну ли громким голосом:
«Воротись, жена, моя барыня,
А мы будем жить лучше прежнего,
А я буду любить лучше старого!»

— Не обманывай ты, распостылый муж:
Что не греть солнцу зимой против летнего,
Не светить месяцу летом против зимнего,
Не любить тебе меня пуще прежнего!

6

Уж как нóнешние люди
Они мóлоды, лукавы,
С измалéнька вороваты;
Не выдавши — много видят,
Не слыхавши — много слышат.
Как сказали про девицу
Напрасную небылицу:
Будто я красна девица
Во всю темну ночь не спала,
В зеленóm саду гуляла,
Сладко вишенье щипала;
Показалось девке мало —
Виноградом добавляла,
На белое блюдо клала,
В итальянский плат вязала,
За ворота выходила,
Извозчика нанимала,
Извозчика молодого,
Неженатого, холостого:
«Вези меня поскорее,
Чтобы люди не видали,¹²
Соседушки не слыхали,¹²
Мому батюшке не сказали,¹³

---

¹² Поется также: не опознали,

¹³ В некоторых песенниках:

Отцу, матери не сказали.
Мой батюшка очень грозен,
Грозней того моя матушка:
Не велит мне на улицу ходить,
С холостыми речи говорить.

Очевидно, из другой песни.

Мой батюшка очень грозен, —
Посадил меня в темницу,
Ни дверей нет, ни окошек,
Одна труба, да малая.
Ах ты, батюшка родимый!
Проруби ты мне окошко
На правую на сторонку,
Куда милый гулять ходит,
Добра коня поить водит».

7

Долина-долинушка,
Раздолье широкое!
На той на долинушке
Ничто не родилось:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Рощица зеленая.
Из-за той ли рощицы
Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкаталось.
Греет, греет солнушко
Зимой не по-летнему:
Любит, любит миленький,
Любит не по-прежнему.
Любил, всё обманывал,
Другу подговаривал:
«Поди, поди, девица,
За меня замуж,
За меня, за мóлодца,
За парня холостого».
Нейду, нейду, девица,
Нейду, не подумаю.
Кого же мне, девице,
Полюбить будет?
Полюбить холостого, —

Холост скоро женится;
 Полюбить женатого, —
 Жена-то рассердится.
 Полюблю я, девушка,
 Солдата гвардейского:
 Солдат в поход пойдет,
 Девицу с собой возьмет.

8

На зоре-то было, на зорюшке,
 На зоре-то было вечерней:
 Высоко звезда восходила —
 Выше лесу, выше темного,
 Выше садику зеленого.
 Как во городе во Алáтыре
 Случилось несчастье,
 Как несчастье немалое:
 Жена мужа потеряла,
 Вострым ножичком зарезала;
 Вынимала сердце с печенью.
 На ноже сердце встrepехнулось, —
 Она, шельма, рассмехнулась,
 Рассмехнувшись, она ужаснулась,
 Взяла его за черны кудри,
 Ударила об сырú землю,
 Во холодный ледник спрятала,
 Дубовóй доской она закрыла,
 Золотым перстнём запечатала;
 Сама пошла в новú горницу,
 Закричала громким голосом:
 «Ты талан ли мой, талан лихой,
 Или участь моя горькая!
 На роду ль мне так написано?»
 Прилетели к ней два сокола,
 Два Ивана, два Иваныча:
 — Ты сноха наша, невестушка,
 Где наш братец Иванушка? —
 «Ваш братец-охотничек

Уехал в лес за охотою, —
За куницами, за лисицами». —
— Не обманывай нас, невестушка!
Вон шелков кушак на стене висит,
Перчаточки с шапочкой на полочке лежат.

9

Вдоль по улице по Шведской
В слободе было Немецкой,
Генерал-от немец ходит,
За собою девку водит.
Водил девку, водил немку,
Молодую иноземку.
Девка немцу говорила:
«Говори, радость, со мною,
Мы одни теперь с тобою.
Еще третий — высок терем.
Как поедешь, мой любезный,
Во царскую службу,
Заезжай, моя надёжа,
В калинову рощу;
Ты сорви, мой друг, покушай
Горьку ягоду калину:
Какова горька калина —
Таково житье за старцем».¹⁴

10

Не летай, мой соловей,
Поздно вечером один!
Парень девушку любил,
Колечушком подарил:
Колечушко, сердечушко —

---

¹⁴ Иногда прибавляется:

Каково житье за ровнем?
Какова сладка малина,
Таково житье за ровнем.

Твой золотный перстенок.
 Далеко милой живет
 Во матушке во Москве,
 Во Покровской улице.
 Как пошли наши ребята
 В большú улицу гулять,
 Красных девок забавлять;
 Ах, все девки хороши,
 Разлапушки пригожи!
 Одна девка лучше всех:
 В косе лента шире всех,
 А другая голубая —
 Идет славушка худая,
 А третья со кистьюми, —
 Бежит Дуня со вестьми,
 Как взял Дуню задор:
 Подняла в губы подол,
 Мимо окон, мимо стекол,
 Мимо каменных палат
 К целовальнику в кабак:
 «Целовальник молодой,
 Отпирай новый кабак,
 Пущай малых ребят!»

11

Беседа моя, беседушка, беседа смирна!
 Во той во беседушке девицы сидят,
 Дёвицы сидят, речи говорят:¹⁵
 «Лучина, лучинушка берёзовая!
 Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
 Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
 Али ты, лучинушка, в печи не была?¹⁶
 — Я была в печи вчерашней ночи,
 Лихая свекровушка воду пролила,
 Воду пролила, меня залила. —

¹⁵ Первых трех стихов обыкновенно не поют.

¹⁶ Прибавляется также: В печи не была, не высушена.

Сестрицы, голубушки, ложитесь спать:
Ложитесь спать, вам некого ждать!
А мне, красной девице, всю ночь не спать —
Кровать убирать, мила дружка ждать;
Убравши кроватушку, сама лягу спать.
Первый сон уснула — без миленького;
Второй сон уснула — без сердечного;
Третий сон уснула — зоря белый день.
Из-под белой зорюшки мой милый идет,
Собольею шубочкой пошумливает,
Пуховою шляпochкой помахивает,
Сафьянны сапожки поскрыпывают:¹⁷
«Что ж ты, добрый молодец, давно не пришел?»
— Душа красна девица, позамешкался:
С угрюмой женой побранка была,
Журила, бранила тебя и меня.
Тебя, мою душеньку, курвой назвала;
А я ее бил, бил, чуть живу пустил. —
«Не бей, не бей, молодец, угрюмой жены:
С угрюмой женою тебе век вековать,
Со мной, красной девицей, ночьку ночевать».

---

¹⁷ В новейших песенниках:

Натуральной тросточкой постукивает.

И песня кончается этим стихом. Остальные же вены в другую песню.

Сказали про молодца, будто без вести пропал,
Сказали — удаленький в синем море утонул;
А нонече молодец по улице прошел.
Любимую песенку шибко-громко просвистал,
Насвисточку свищет, голос в терем подает:
Услышала б девица удалого молодца,
Горела б у девицы воску ярого свеча,
Ждала б красна девица удалого молодца.
«А что ж, добрый молодец, давно не пришел?»
— Душа красна девица... и проч.

12

Девушка крапивошку жала,
Красная немножко нажала;
Кажется, ни с кем не стояла,
Только я с милым говорила:
«Ах ты, мой сердечный, милый друг!
Я слышала несчастье про тебя:

Идешь в поход. Возьми меня с собой,
Назови меня родной сестрой
Или душенькой молодой женой».

— Нельзя, нельзя мне взять тебя с собой,
Что все в полку полковнички знают,
Что нет у меня родной сестры,
Ни душеньки молодой жены,
Что есть у меня одна матушка,
И та живет в деревне в печали.¹⁸

13

Плясовая

Как нóнче куры
Поют петухами,
Ах, люшеньки, ай люли! и т. д.
Как нóнешни жены
Владеют мужьями.
Я возьму мужа за ручку,
Брошу на постелю:
Лежи, муже, тута,
Поколь схожу — кнúта,¹⁹
Поколь схожу — кнúта,
Железного прúта.

---

¹⁸ Поется также: Да и та старенька.

¹⁹ Т. е. схожу взять кнута.

14

Теща про зятюшку сдóбничала,
Сдóбничала да пирожничала,
Испекла пирог в двенадцать рублёв.
Сóлоду, муки на четыре рубли,
Ягодов, изюму на восемь рублей.
Теща по горенке похаживала,
Косо на зятюшку поглядывала:
«Как тебя, зятюшку, не рóзорвало?
Как тебя, зятюшку, не пёрервало?»

15

Бежит речушка слезовая,
На ней струюшка кровавая;
По бóрежку растёт част осинничек,
Во том осинничке куст рябинушки;
Она аленькими цветочками расцветала,
На цвету сидит кукушечка,
Горемычная куковала,
Жалобнёхонько, горемычная, причитала,
Всем солдатушкам назóлушку давала.
Не кукуй-то ты, кукушечка жалобнёнько,
Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам-то солдатушкам жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?

16

Туту жил-поживал господин Волконский князь,
У этого у князя жил Ванюша ключничек.
Ваня год живет, другой живет,
На третий год князь доведался;
Закричал князь Волконский своим громким голосом:
«Как есть ли у меня слуги верные при мне?
Вы подите-приведите вора Ваньку ключничка!»
Как ведут Ванюшу широким двором,
Как у Ванюшки головка вся проломана,

Коленкоровая рубашка на нем изорвана,
Сафьяновые сапожки кровью принаполнены.
Закричал-та господин Волконский князь громким голосом:
«Вы подите-ка, — вы выройте две ямы глубоких,
Вы поставьте-ка два столбика дубовых,
Положите перекладец сосновый,
Повесьте две петли шелковые:
Пускай Ваня покачается,
Молодая-то княгиня попечалится!»

17

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всяkiem корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Всё Ракчеева бранят:
«Ты Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дорбженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Березами посадил,
Бедных людей прослезил!»

II. ЗАПИСИ СКАЗОК

1

Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачиха его, завидуя своей невестке, решила ее погубить. После девяти месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоке месяц; послали известить о том царя. Мачиха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверушкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его для разрешения. Мачиха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделал.

Долго плавали царица с царевичем в засмоленной бочке — наконец море выкинуло их на землю. Сын заметил это. «Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет». — Господь благослови тебя, дитятка. — Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения матери вдруг выстроил город и стал в оном жить да править. Едет мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков, осмотрел их пропуск и, узнав, что едут

они к Султану Султановичу, турецкому государю, обратился в муху и полетел вслед за ними. Мачиха хочет его поймать, он никак не дается. Гости корабельщики рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги серебряные и проч. «Ах, — говорит царь, — поеду посмотреть это чудо». — Что за чудо, — говорит мачиха, — вот что чудо: у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот; вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет. — Царевич прилетел домой и с благословенья матери перенес перед дворец чудный дуб.

Новый корабль. То же опять. Тот же разговор у Султана. Царь опять хочет ехать. «Что это за чудо, — говорит опять мачиха, — вот что чудо: за морем стоит гора, и на горе два борова, боровы грызутся, а меж ими сыплется золото да серебро» и проч. Третий корабль и проч. также. «Что за чудо, а вот чудо: из моря выходят 30 отроков точь-в-точь равны и голосом, и волосом, и лицом, и ростом, а выходят они из моря только на один час».

Тужит царица об остальных своих детях. Царевич с ее благословения берется их отыскать, «Нацеди ты, матушка, своего молока, ты замеси 30 лепешечек». — Он идет к морю, море всколыхалось, и вышли 30 юношей и с ними старик. — И царевич спрятался и оставил одну лепешечку. Один из них и съел ее: «Ах, братцы, — говорит он, — до сих пор не знали мы материнского молока, а теперь узнали». — Старик погнал их в море. На другой день вышли они опять, и все съели по лепешке и poznали брата своего. На третий вышли без старика, и царевич привел всех братьев своих к своей матери. Четвертый корабль. То же самое. Мачихе уже более делать нечего. Царь Султан едет на остров, узнает свою жену и детей и возвращается с ними домой, а мачиха умирает.

2

Некоторый царь ехал на войну, он оставил жену свою беременную. Едучи домой, дорогою захотелось ему пить — видит он пролубь, и в пролубе плавают золотой ковшик, — но только хочет он испить воды, кто-то его хват за бороду и не выпускает. Царь взмолился — нет. «Подари мне, чего ты не знаешь»... Задумался бедный царь: «Как, чего я не знаю? Я всё знаю. Ну, так и быть, дарю». Приезжает домой, к нему выносят молодого Ивана царевича, без него родившегося. Царь догадался, что его-то он и подарил, и весьма опечалился. Иван царевич вырос. Прогуливаясь однажды вечером, встретил он старичка, который стал ему пенять за то, что он еще не явился и что срок-де его прошел. Иван царевич требует и получает объяснение от отца своего. Три раза является ему старик и научает его, куда идти. Иван царевич приходит к морю, где 30 уток полощутся, а одна поодаль. Он берет ее платя. Все одеваются, она остается одна. Царевич выходит — друг со другом обручаются. Она научает его, как умягчить гнев сердитого старика, отца ее. Сходят они в подземельное царство. Старик, сидя на крыльце, взбесился, завидя царевича. Сей, по совету Марьи царевны, становится на колени, шапку возносит на мече выше головы и таким образом приближается. Царь посылает его в особую комнату и повелевает ему готовиться отвечать на его загадки, т. е. повелевает ему построить церковь в одну ночь. Царевич думал, думал и наконец сказал: «Мать его так, повесить, так повесить, голова моя недорога». Царевна, обратясь в муху, является к нему. «Не печалься, Иван царевич, скинь портки, повесь на шесток да спи, а завтра возьми молоточек, ходи около церкви, где лишнее, отрежь, где неровно, приколоти». Царевич был безунывная головушка, лег и заснул. Поутру церковь готова. «Ну, — сказал царь после обедни, — я хитер, а ты хитрее меня. Отдам за тебя старшую

дочь. — Но сперва узнай ее между 30 прочими». «Это немудрено», — думал Иван царевич. — Нет, мудрено, — сказала царевна муха. — Мы завтра будем все с одинаковым лицом, с одинаковым убором. — Задумался царевич. «Мать его так, весить, так весить». Но царевна его надоумила. Наутро приходит он к царю, видит всех царевен. Одной муха садится на щеку, она гонит ее платком. «Вот старшая». — Правда, Иван царевич, но все эти хитрости не твои, а посмотрим завтра третью загадку. — «Ну, Иван царевич, — сказала Марья царевна, — тут уже тебе не помогу — дело в том, чтоб ты сшил сапоги, покамест у него в руках соломинка будет гореть. Убежим». Она плюнула три слюнки на окно Ивана царевича да три слюнки к себе. Сели верхом и ускакали. Поутру послал царь к Ивану царевичу. «Что ты, Иван царевич, спишь ли ты, али дума думаешь? » — Думу думаю, — отвечают слюнки. Наконец, царь видит обман и посылает за ними в погоню. «Послушай-ка, Иван царевич, — сказала Марья царевна, — не гонятся ли за нами». Тот прилег к земле — нет. Марья царевна послушала — близко, и тотчас обратила Ивана царевича в тын, а себя в пшеницу. Погоня наскочила. Не видя дороги и не видя ни единого измятого колоса, они воротились. Новая погоня. Марья царевна превращает Ивана царевича в церковь, а сама в священника. И церковь так ветха, что мхом обросла, и священник так стар, что еле дышит. — Погоня возвращается. Царь едет сам. Но Марья царевна разливает между им и собою реку, и царь возвращается со стыдом.

Иван царевич и Марья царевна вступают во свое государство. «Забудешь ты меня, Иван царевич, не целуй ребенка, когда приедешь к отцу к матери, а то забудешь меня». Иван царевич приезжает к отцу и к матери, в восторге целует ребенка и забывает Марью царевну. Между тем предлагают ему невесту. Он с нею обручается. Марья царевна просится у старушки, с ко-

торой живет, идти посмотреть на царскую свадьбу. Приходит в царские кухни, с трудом выпрашивает у поваров позволение испечь пирог. Пирог подают на царский стол, разрезают, оттуда вылетают голубь с голубкою, и голубка ходит за голубем и говорит: «Голубок ты мой, не забудь ты меня, как забыл Иван царевич свою Марью царевну», и проч.

3

Поп поехал искать работника. Навстречу ему *Балда*. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадя говорит: «Каков будет *щёлк*». Балда дюж и работящ, но срок уж близок, а поп начинает беспокоиться. Жена советует отослать Балду в лес к медведю, будто бы за коровой. Балда идет и приводит медведя в хлев. Поп посылает Балду с чертей оброк собирать. Балда берет пеньку, смолу да дубину, садится у реки, ударил дубиною в воду, и в воде охнуло. «Кого я там зашиб? старого али малого?» И вылез старый. — «Что тебе надо?» — «Оброк собираю». — «А вот внука я к тебе пришлю с переговорами». Сидит Балда да веревки плетет да смотрит. Бесенок выскочил. «Что ты, Балда?» — «Да вот стану море морщить, да вас чертей корчить». — Бесенок перепугался. «Тот заплатит попу оброк, кто вот эту лошадь обнесет три раза вокруг моря». Бесенок не мог. Балда сел верхом и объехал. «Ах, дедушка! он не только что в охапку, а то между ног обнес лошадь вокруг». — Новая выдумка: «Кто прежде обожит около моря?» — «Куда тебе со мной, бесенок? да мой меньшей брат обгонит тебя, не только что я». — «А где-то меньшей брат?» — У Балды были в мешке два зайца. Он одного пустил, бесенок запыхавшись обежал, а Балда гладит уже другого, приговаривая: «Устал ты, бедненький братец, три раза обежал около моря». — Бесенок в отчаянье. Третий способ — дед да-

ет ему трость. — «Кто выше бросит?» Балда ждет об-лака, чтоб зашвырнуть ее туда и проч. Принимает об-рок в бездонную шапку. Поп, видя Балду, бежит — и берет его в мешке, вместо сухарей — утопляет ночью попадью вместо его — и проч.

Балда у царя. Дочь одержима бесом. Балда под страхом виселицы берется вылечить царевну. С нею ночует — берет с собою орехи железные и старые кар-ты да молоток — знакомого бесенка заставляет грызть железные орехи; играет с ним в щелчки и бьет бесенка молотком. На другую ночь то же. На третью делает ку-колку на пружинах, у которой рот открывается. «Что такое, Балда?» — Пить хочет — всунь ему стручок-то свой, свою дудочку в рот. Бесенок пойман и высечен, и проч.

4

Царь Кашей Бессмертный не хотел дочери своей выдать замуж, покамест сам будет жив. Дочь приступает к нему: «Где-де твоя смерть?» — «В баране, — отве-чает Кашей, — в козле, в венике». — Дочь велит вызолотить рога барану и козлу, вызолачивает и веник — напрасно, Кашей жив. Наконец, он объявляет, что смерть его на море, на океане, на острове Буяне, а на острове дуб, а в дубе дупло, а в дупле сундук, а в сун-дуке заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо. Иван царевич идет за смертью Кашея. Голод. Попадается ему собака, ястреб, волк, баран, рак. — Иван царевич говорит им каждому: «Я тебя съем», — но оставляет им живот. Приходит к морю, *волк* его перевозит, *баран* рогами сваливает дуб, *собака* ловит зайца, *ястреб* ловит утку, *рак* лапами выносит из моря яйцо. — Кашей тотчас за-немог, дочь его получает яйцо; отец просит от нее ме-сяца, недели, дня, и проч.

5

Слепой царь не веровал своей жене и не пускал ее в сад. «Вели, — сказала она, — повесить кровать мою на яблоню, я взлезу туда, ты покамест обхвати яблоню — да держи». Царь согласился. Любовник был уже там. Царица к нему лезет, царь пока держит яблоню.

Глядя на сие, муж с женою (царь да царица) поссорились и побранились. Жена была беременна; она родила; и велела убить сына и принести себе его сердце. Младенец уговорил повара принести, вмести своего, собачье сердце, а подменить кузнецкого сына. Молодой царевич собирает маленькую шайку, ребята признают его царем, ибо по его велению береза преклонилась, а лягушки замолкли. — Царенок делает виселицу, вешает, кнутом сечет и в ссылку ссылает. Доходит слух о том до царя, который задает ему разные задачи и изумляется раннему понятию сына кузнеца.

Едет царь мимо кузницы. «Бог помочь, кузнец». — «Спасибо, ваше величество». — «Сколько *ивернейей* с тех пор, как ты куешь?» — «А сколько шагов ступит твой конь?» — «Приезжай же ко мне завтра ни верхом, ни пешком, покажи мне своего друга и недруга и принеси мне дар, которого я бы не взял». Кузнец приезжает на козле, приносит ястреба под блюдом и приводит жену (своего врага) и собаку (своего друга) — жену бьет — она его бранит и убегает, собаку бьет, та визжит и к нему ласкается. Царь догадывается, что кузнец умен умом сыновним. Призывает его и едет с ним и с своим мнимым сыном прогуливаться. Подъезжают к сосновой роще. «Что б из нее сделать, мой сын?» — спрашивает царь. — «Да наковальню», — отвечает царский сын. «А ты, кузнец?» — Терема царские. Видят еловую и березовую — тот же вопрос. Ответы в том же духе. — Царь привозит кузнецова сына домой. Мать его в него влюбляется. Новый Иосиф, он убегает

и притворяется дурачком. Погонщики его настигают, он . . . , ест и вшей бьет. — «Что ты делаешь?» — «Убавляю и прибавляю и недругов побеждаю». — Не узнав его, оставляют.

Мать его скоро предается другому любовнику. Царевич приходит к ней под видом нищего. Хищник ввергает его в темницу и осуждает на смерть. Три виселицы: золотая, серебряная, шелковая. Царь и царица едут смотреть казнь королевича. Он хохочет. «Чему?» — да тому, что передние колеса едут за лошадью, а задние-то за чем? (allusion à la reine que suit le roi). Приезжают. Царевич просит позволение играть на рожке. Рать его вооружается, ступает на ступень, на другую, на третью и всё играет в рожок, наконец, опять хохочет. — «Чему, дурак?» — Сам ты дурак: взгляни, как мои голуби твою пшеницу клюют — и проч.

На *шелковой* виселице вешает он сводника, купца *Шелковникова*, вот куда каламбуры зашли!

6

1. О святках молодые люди играют игрища, идут в пустую избу. Один из них говорит: «Черт, жени меня». Черт выходит из-за печки, соглашаются — женить. Невеста — дочь, проклятая отцом и матерью. Молодые едут в чужой город, заживают домком. Раз видят двух нищих, старика со старухою, и несут они младенца, что ни пьет, ни ест уж 30 лет. Молодые зовут их, жена топором разрубает младенца, и вываливается оттуда осиноый чурбан. Она открывает им, что она их дочь.

2. В том же роде. Жених пропадает три года; невеста его узнает, что должно в лесу в пустой хижине три ночи ночевать, дабы достать его. Находит хижинку, около нее ходит; слышит голос его, но не видит входа. Видит ход чертей, между ими и он на гудке играет.

Хижинка открывается (*стукот*), она видит там кучу змей, бросается туда — то был хворост, и проч.

3. Мать, рассердясь на сына, ему: «Лукавый тебя поberi». Мальчик исчезает. Тоже слышит его голос в бане, читая воскресную молитву («Да воскреснет Бог!»), она туда, а плачут в риге, у пруда. «Господи, — говорит она, — прости мое согрешение!» — Мальчик тут. — «Я был там и там... и огни, и много их», и проч.

7

Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой — убирает его. Двенадцать братьев приезжают. «Ах, — говорят, — тут был кто-то — али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной али брат названный; коли женщина, будь нам мать али сестра»... Сии братья враждуют с другими двенадцатью богатырями; уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. «Если кровлю нальются, то не жди нас». — Приезжая назад, спят они сном богатырским. Первый раз — 12 дней, второй — 24, третий — 31. Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачиха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та, надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в ее труп, и проч.